ЧУВАШСКІЯ СВАДЬБЫ.

Говоря о музыкѣ Чувашъ (Кза. Губ. Вѣдом. № 31), я далъ обѣщаніе представить особую статью о свадьбахъ этого народа со всѣми подробностями. Помня Русскую пословицу: «давши слово держись, а не давши крѣпись,» я исполняю нынѣ свое обѣщаніе и представляю описаніе свадебъ чувашскихъ со всѣми обрядами, какими онѣ сопровождаются.

Свадьбы у Чувашъ преимущественно бываютъ послѣ Петрова дня передъ сѣнокосомъ, т. е. въ началѣ Іюля мѣсяца, тогда, когда минуютъ *Синзя* и *Симики*. Эти праздники бываютъ у нихъ всегда передъ Петровымъ днемъ. Синзя продолжается недѣли три или, лучше сказать, все время, пока цвѣтетъ хлѣбъ, а индѣ отъ Семика до Ильина дня(*); въ продолженіе этого времени Чуваши ничего почти не работаютъ; даже считаютъ за непозволительное дѣло тогда рыть для чего нибудь землю и ударять по ней палкою или обухомъ топора, полагая, что всякая работа можетъ повредить хлѣбному цвѣту: только не считается за грѣхъ драть лыки, и потому всѣ Чуваши въ продолженіе Синзи занимаются этой безгрѣшной работой. Въ теченіе Синзи совершается ими моленіе, называемое *Ой Чукъ* или *Мунъ Чукъ* «Главное моленіе»; вмѣстѣ

(*) *Синзя* по-чувашски значитъ тонокъ или тонкое, по случаю недозрѣлости въ ту пору хлѣба и прочихъ растеній; а можетъ быть слово сіе происходитъ и отъ татарскаго джиина или дзиина.

съ этими моленіями починаютъ Чуваши свои мартовскія пива, зарытыя въ погребахъ въ мартѣ мѣсяцѣ подъ снѣгъ, и бываетъ у нихъ тогда пиръ на весь міръ; но нынѣ таковаго запаса пива у нихъ уже не бываетъ, по запрещенію положеніями акцизно - откупныхъ коммиссіонерствъ, а варятъ его въ самый праздникъ Синзи. Семикъ же составляютъ у нихъ особенныя народныя гульбища(*), которыя тогда въ каждомъ уѣздѣ учреждаются у Чувашъ по нѣскольку или на поляхъ, или при лѣсахъ, или же на большихъ дорогахъ. Напримѣръ: въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ Семики у Чувашъ бываютъ: 1) на Больше-Сундырскомъ торжкѣ; 2) близъ Шеляевской или Старо-Сундырской почтовой станціи; 3) въ полѣ, близъ с. Оринина, и 4) въ полѣ же, близъ с. Пихтулина, на горѣ. На этихъ-то Симикахъ женихи больше выбираютъ себѣ невѣстъ, потому что сюда стекаются преимущественно холостяки и дѣвицы, также какъ и на первое ихъ весеннее романическое гулянье «Балдранъ-Базаръ», описанное въ № 21 Губ. Вѣд.(*)

(*) Въ г. Козмодемьянскѣ на Троицкой недѣли бываетъ у гражданъ два гульбища, которыя Русскими называются то же Семиками. Извѣстно, что празднованіе Семика и народный обычай завивать вѣнки въ рощахъ, есть остатокъ древняго суевѣрія Славянъ (Истор. Госуд. Россійск. Карамз. Т. 1 стр. 56).

(*) Сѣверяне, Радимичи и Вятичи уподоблялись нравами Древлянамъ, не вѣдали ни цѣломудрія, ни союзовъ брачныхъ; но молодые люди обоего пола сходились на игрища между селеніями, женихи выбирали невѣстъ, и безъ всякихъ обрядовъ соглашались жить съ ними вмѣстѣ (Карамз. Том. 1 стр. 38).

Если холостякъ задумаетъ жениться, то онъ и самъ невѣсту искать не лѣнится. На означенныхъ Семикахъ, подобравши себѣ партію своихъ деревенскихъ дѣвокъ, проситъ онъ ихъ завлечь ту красавицу, которая ему по-нраву, хотябы она была и изъ дальней деревни; однодеревенскія дѣвки, угождая своему холостяку за какой-либо пряникъ или косушку винца, заманиваютъ указанную имъ невѣсту въ свое общество, заводятъ съ нею разные разговоры, гуляютъ съ нею по гульбищу «Семику», подчуютъ и ее пряниками, которые подарилъ холостякъ; а самъ онъ давно наблюдаетъ ее изподтишка и вникаетъ въ бесѣду ея; дѣвица, можетъ быть, и сама его замѣчаетъ, но скрываетъ это отъ другихъ, пока судьба не сведетъ ихъ на бракъ. Когда же женихъ высмотритъ совершенно свою невѣсту и останется ею доволенъ, то слѣдуетъ новое со стороны его подчиванье тѣмъ однодеревенскимъ дѣвицамъ, которыя завлекли возлюбленную его въ свой кругъ для наблюденія. Есть холостяки и такіе, которые не стараются высматривать себѣ невѣстъ на Семикахъ и прочихъ тому подобныхъ гульбищахъ, а дѣлаютъ это или при сватаніи, или ранѣе сватанія при другомъ удобномъ случаѣ, какъ напримѣръ, желающій жениться холостякъ высматриваетъ себѣ невѣсту тогда, когда онъ нарочно пріѣдетъ въ домъ ея подъ видомъ покупки хлѣба или чего-нибудь другаго; тутъ также невдомекъ отцу невѣсты, зачѣмъ пріѣхалъ молодецъ къ старику другой деревни: онъ полагаетъ, что дѣйствительно нуженъ ему хлѣбъ, поитъ его пивомъ, которое, случается, подноситъ та самая дочь его, которую молодецъ желаетъ высмотрѣть. Быва-

ютъ случаи, что невѣстъ находятъ особые сватуны, занимающіеся этимъ ремесломъ, не изъ родственниковъ, и даже изъ другихъ деревень мущины и женщины.

Такимъ образомъ женихъ, высмотрѣвши невѣсту, объявляетъ родителямъ своимъ, готовымъ его женить, что по нраву ему дочь такого-то старика, изъ такой-то деревни, и проситъ ихъ сватать ее по его назначенію(*). Отецъ жениховъ, взявши съ собою одного мущину изъ ближайшихъ родственниковъ, отправляется съ нимъ въ домъ невѣсты, а если женихъ не знаетъ невѣсты, то и его берутъ съ собою на смотрѣніе, взявши притомъ штофъ или четверть вина для угощенія невѣстиныхъ домашнихъ. Пріѣхавши къ невѣстѣ въ домъ, спрашиваютъ родителей ея, согласны ли они отдать дочь за такого-то, и ежели согласны, то тутъ же условливаются въ калымѣ. Красавицы чувашскія согласіе или несогласіе на бракъ объявляютъ начально матери, а эта отцу(**); но отецъ невѣсты, добиваясь ли

(*) Здѣсь надобно замѣтить, что Чуваши берутъ себѣ женъ болѣе изъ другихъ деревень, считая за грѣхъ брать однодеревенскую дѣвицу, что самое сказано и у г-жи Фуксъ. Дѣйствительно, можно сказать, грѣхъ имъ брать однодеревенку, потому что каждый чувашскій околодокъ происходитъ отъ одного родоначальника (См. Преданія Чувашъ, Каз. Губ Вѣд. 1852 г. № 24 и 25), по этому они состоятъ въ близкомъ родствѣ между собою, какъ напримѣръ нашъ околодокъ Юньга-бось, въ которомъ считается до 25 дворовъ, происходитъ отъ одного родоначальника Яндуша.

(**) Впрочемъ, Чуваши не очень смотрятъ на несогласіе дочерей и выдаютъ ихъ противъ воли, прельщаясь только калымомъ.

большаго калыма, или соблюдая приличіе, не скоро соглашается на отдачу своей дочери, говоря, что у него семья невелика, работать не кому, что дочь еще молода, не смотря на то, что другой невѣстѣ стукнуло уже 25 лѣтъ или даже болѣе. Чувашскіе молодцы на это прежде были не разборчивы, но нынѣ постепенно оставляютъ прежнее заведеніе, берутъ женъ лѣтъ въ 20 и даже въ 19. Чѣмъ богаче невѣста, тѣмъ болѣе требуется калыма, который бываетъ до 300 руб. ассигн. и даже больше, а малый калымъ отъ 10 до 50 руб. ассигн. Когда уговорятся съ обѣихъ сторонъ объ этой денежной дани, то въ домѣ невѣсты кладутъ на столъ коровай хлѣба и ставятъ соль въ солоницѣ(***), а калымъ жениховъ отецъ кладетъ въ кошелькѣ, по-чувашски *«еньчикъ»*, на коровай; потомъ невѣстинъ отецъ, а за неимѣніемъ его, братъ или мать, взявши коровай съ калымомъ и, оборотясь съ новымъ своимъ сватомъ къ дверямъ, конечно на Востокъ, молятся, держа подъ мышкою шапки и произнося сіи слова:

Хирьбѣ крюне тора! анъбусъ.—Дочь съ зятемъ, Господи, не порушь!

Хирьбѣ крюне синъ халапъ хыйсинъ тора! анъ яръ.—Дочь съ зятемъ на людскія рѣчи, Господи, не попускай!

Анъ вурсьтаръ, анъ ятлаттарь тора! вулзане.—Храни въ благонравіи и мирѣ, Господи, ихъ!

(***) У Чувашъ солоница деревянная, въ родѣ небольшой ступки: соль въ ней же и толкутъ, по мѣрѣ надобности, небольшимъ пестикомъ, да и называется солоница «туваръ килли», т. е. соляная ступка.

столъ великаго княжества владимірскаго (1176 г.). Ростиславичи нашли защиту въ Черниговѣ у Святослава, поссорившагося съ великимъ княземъ за Новгородъ: соединясь съ Новгородцами на устьѣ Тверцы, онъ опустошилъ въ 1181-мъ году берега Волги и двинулся къ Переславлю-Залѣсскому. Всеволодъ укрѣпился въ станѣ между горами и ущельями, въ 40 верстахъ отъ Переславля; крутоберегая Влена (нынѣ Веля на границахъ Московской и Владимірской губерніи) отдѣляла враговъ. Суздальцы хотѣли битвы, но въ продолженіи двухъ недѣль были удерживаемы великимъ княземъ, желавшимъ, чтобы черниговцы сами перешли рѣку и сразились на мѣстности для нихъ невыгодной. Наконецъ Всеволодъ позволилъ Рязанцамъ ударить на непріятеля съ фланга; они пробились черезъ станъ новгородскій до Святослава, но тутъ были удержаны и отступили, потерявъ много убитыми. Напрасно ожидавъ новаго нападенія, Святославъ послалъ своего духовника сказать Всеволоду: «за добро заплатилъ ты мнѣ неблагодарностью. Вотъ я близъ тебя: чего же медлишь? рѣшимъ дѣло судомъ Божіимъ—выступи въ поле и сразись!» — Но Всеволодъ молчалъ и не двигался съ мѣста; наступила весна; боясь распутицы, Святославъ вышелъ изъ владѣній Всеволода, предавъ пламени Дмитровъ, и удалился въ Новгородъ; переславское княжество осталось за Всеволодомъ. По смерти его оно досталось *Ярославу—Θеодору Всеволодовичу* (1212 г.), который держалъ сторону Юрія II въ борьбѣ его съ Константиномъ, принялъ участіе въ несчастной битвѣ на Авдовой горѣ, побѣжденъ Мстиславомъ Удатнымъ, бѣжалъ въ Переславль (1215 г.) и въ гнѣвѣ умертвилъ тамъ 150 новгородскихъ и 15 смоленскихъ купцовъ, содержавшихся въ темницѣ. Въ 1230 году Новгородцы опять призвали изъ Переславля къ себѣ Ярослава: онъ оставилъ свой городъ, и далъ имъ на вѣчѣ клятву дѣйствовать во всемъ согласно съ древними обычаями Новгородскими; но чрезъ двѣ недѣли уѣхалъ обратно въ Переславль-Залѣсскій, вторично оставивъ въ Новѣгородѣ двухъ сыновей, Θеодора и Александра. Враги Ярослава, изгнанные изъ Новгорода, обратились съ просьбою о помощи къ Псковичамъ, которые ихъ приняли какъ родныхъ братьевъ. Въ Псковѣ находился тогда дружинникъ Ярослава: они заковали его въ цѣпи въ 1232-мъ году и готовились къ битвѣ; а Ярославъ, возвратясь въ Новгородъ, не пускалъ во Псковъ ни купцовъ, ни товаровъ: тогда Псковичи смирились и выгнали бѣглецовъ новгородскихъ. Яро-

и самимъ женихомъ чинно ѣдетъ домой на парѣ или на одной своей хорошей лошади; на козлахъ бодро правитъ самъ женихъ, въ щегольскомъ кафтанѣ, въ шляпѣ съ шелковою кистью и сапогахъ; невѣстинъ отецъ провожаетъ со двора новую родню, а невѣста слѣдитъ ненасытлыми взорами изподтишка за своимъ возлюбленнымъ, который, по выѣздѣ со двора, ударивши, какъ говорится, по всѣмъ по тремъ, быстро скачетъ «ко дворамъ»; а отецъ его съ сватуномъ или родственникомъ, сидя вдвоемъ на щегольской телѣгѣ, запѣваютъ пѣсню: *ой яй ояхъ ой яйяхъ ой яйяхъ*, приговаривая часто слова: *тора полышре пиръ хиръ сіорасьма; маныпъ улымъ Кригори бозъ діадыпъ абѣ; она тора полштыръ манада пыхмашкыпъ, падшая-да полышма. Атяй абай-бакъ порынма тора каладыръ она*, то есть: Богъ помогъ намъ невѣсту сосватать; у меня сынокъ Григорій есть, говорю я; ему Богъ помоги и меня призрѣвать и Царю помогать. Какъ отцы наши живали, такъ и ему, Господи, повели. Эту пѣсню они поютъ до самаго двора своего.

Послѣ такого сватанья, черезъ три дня, женихъ одинъ, верхомъ, ѣздетъ къ невѣстѣ съ виномъ и положенными *въ Такмакъ* (кожаная сума въ родѣ русской кисы) гостинцами *чыгытъ* и *сюю*, то есть сырниками изъ творога и печеными на сковородѣ въ маслѣ лепешками изъ кислаго тѣста, поитъ отца и мать невѣсты и самую невѣсту, и тутъ рѣшаются они, когда быть свадьбѣ. Эта поѣздка жениха называется *кумулъ сіолъ*, то есть привѣтная дорога или привѣтствіе.

Со времени просватанія невѣста изъ де-

ревни своей никуда уже не ѣздитъ и не ходитъ, шьетъ себѣ въ приданое рубахи и прочее платье: въ этомъ помогаютъ ей сестры и подруги, которыя еще поютъ ей пѣсни, припѣвая жениха, какъ напримѣръ: *Пиренъ чиберь хитре ага боръ Кригори, хора хиримъ тареби тареби ай-яй-ай-яй-ай-яйяхъ-ойяй-яхъ,* то есть: у насъ хорошъ-пригожъ есть молодецъ Григорій, Григорій! Черная дочка Дарья, Дарья, ай яй! и проч. (*) Женихъ же до свадьбы веселится съ своими товарищами, которыхъ поитъ у себя пивомъ, но къ невѣстѣ болѣе уже не ѣздитъ.

За тѣмъ черезъ недѣлю или черезъ двѣ, смотря по уговору когда быть свадьбѣ, женихъ, подъ руководствомъ своихъ родителей, избираетъ для свадебныхъ церемоній слѣдующія лица:

1-е Изъ родственниковъ своихъ *Той-бось,* свадебную голову.

2-е Изъ родственниковъ или постороннихъ *Хыйматлыхъ* посаженнаго отца; почувашски *хыюлла* значитъ смѣлый, а *хыймашкынъ* для смѣлости, слѣдовательно лицо сіе есть въ собственномъ смыслѣ не посаженный отецъ, а избранный для смѣлости или просто-сказать смѣльчакъ на свадебныхъ церемоніяхъ.

3-е *Мунъ-Крю,* Дружку. По-чувашски *Мунъ* значитъ большой или старшій, а *Крю*-Зять, слѣдовательно по производству *Мунъ-Крю* значитъ старшій зять, такъ какъ это званіе большею частію занимаетъ кто нибудь изъ зятьевъ жениха или изъ другихъ родственниковъ, а иногда даже

(*) У Чувашъ черноволосые дѣвицы и молодцы считаются самыми красивыми и поэтому эпитетъ черный предпочитается въ припѣвахъ.

изъ постороннихъ, смотря по расторопности ихъ.

4-е, Жена *Мунъ-крю* назначается свахою за женихомъ и невѣстою и называется *Мунъ-крю арымъ*, то есть старшаго зятя жена.

5-е, *Кизинь-крю* то есть Полдружка или Младшій зять. Въ сіе званіе избираются непремѣнно изъ холостяковъ, изъ родственниковъ жениха или изъ постороннихъ, не смотря на эпитетъ *младшій*. Онъ бываетъ со стариннымъ лукомъ и стрѣлою, которые у многихъ Чувашъ еще хранятся, какъ древность, доселѣ.

6-е, *Пюлюхсе*, Служитель, изъ молодыхъ мальчиковъ, для присмотра за лошадьми какъ за жениховою, такъ и за лошадьми прочихъ поѣзжанъ.

И наконецъ 7-е, избираютъ одного или двухъ пузырниковъ и имъ въ помощь одного или также двухъ холостыхъ молодцовъ съ бубнами, называемыми барабанами. Инструментъ сей точно похожъ на барабанъ съ двумя для битья палочками: это—деревянное лукошко, обтянутое съ обоихъ концовъ собачьею или бараньею шкурою, дающее весьма рѣзкій звукъ какъ турецкій барабанъ, но гораздо его меньшее; навѣшивается бичевкою черезъ плечо. Въ этомъ состоитъ чувашскій свадебный оркестръ.

Когда всѣ эти лица будутъ избраны, то въ день свадьбы у жениха рано утромъ выметается дворъ какъ можно чище, также и у невѣсты: извѣстно что у Чувашъ дворы обширны и покрыты лѣтомъ зеленою муравою. Среди двора устроиваются какъ здѣсь, такъ и у невѣсты, для свадебной церемоніи, четвероугольныя мѣста изъ досокъ, положенныхъ на чурбашкахъ, вышиною въ аршинъ, съ обширною въ срединѣ

площадкою для плясокъ. Лавки эти, называмыя *шиликъ* (*), точно такія, какъ у фигляровъ въ балаганахъ для зрителей, и со всходомъ съ одного угла на площадку, на которой ставятъ два стола съ пивомъ, виномъ и разными кушаньями, а къ одному столу привязываютъ березку для вѣшанья подарковъ.

По устройствѣ такого амфитеатра женихъ посылаетъ верхомъ полдружку собирать на свадьбу прочихъ поѣзжанъ, и полдружка, разъѣзжая по жениховой деревнѣ и прочимъ ближайшимъ околодкамъ, съ подвязаннымъ на шею лошади колокольчикомъ, подъѣзжаетъ ко многимъ дворамъ, само собою разумѣется, первоначально къ родственникамъ жениховымъ, и кричитъ: *Айдыръ тоя! арымлы, ары мне ильдеръ, ачаллы арымъ-ачикь ильдеръ; ача сіоклы-токмакъ ильдеръ!* То есть: поѣдемъ-те на свадьбу! женатый жену пусть возметъ; съ дѣтьми женщина, пусть и дѣтей съ собой беретъ; а если дѣтей нѣтъ, то колотушку пусть возметъ!

Послѣ такой повѣстки поѣзжане собираются къ жениху въ домъ верхами и на телѣгахъ съ кибитками и колокольчиками: на хорошей свадьбѣ бываетъ подводъ до 60. Верхами являются болѣе холостяки, у которыхъ на шею лошадямъ подвязаны или колокольчики, или бубен-

---

(*) Собственно-чувашскаго слова «шиликъ» нѣтъ, а вѣроятно происходитъ оно отъ мелкой монеты шилингъ, которыя Радимичи получали отъ Казаръ и вносили Россіянамъ въ казну (Ист. Карамз. Том. 1 стр. 79 и 150), такъ какъ Чуваши на этотъ *шиликъ* жениху кладутъ по нынѣ деньги, называемыя *шиликъ окси*, то есть шиликовыя деньги, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

чики; сами же они одѣваются на свадьбу въ красные кумачные или синіе пониточные кафтаны (*капталь*), а у кого нѣтъ такого параднаго кафтана, тотъ остается въ простомъ кафтанѣ; но само собою разумѣется, бываютъ они тогда всѣ вообще въ сапогахъ и въ щегольскихъ шляпахъ съ кистями. Здѣсь не льзя умолчать о томъ, что въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ чувашскіе холостяки одѣваются отлично; у нихъ есть даже кафтаны, обшитые суркомъ или хорькомъ, да и сами молодецъ къ молодцу (*) а у низовыхъ Чувашъ, холостяки либо слѣпые, либо плѣшивые, хромые и паршивые, въ особенности въ Цивильскомъ и Чебоксарскомъ уѣздахъ, да и неразвязны въ обращеніи.

У женщинъ нарядъ весьма примѣчателенъ и заслуживаетъ особеннаго описанія. Во 1-хъ женщина надѣваетъ суконный или пониточный синій кафтанъ (хысъ) съ четвероугольнымъ воротникомъ, лежащимъ назадъ, шириною въ четверть и обшитымъ по краямъ разными шелковыми тесьмами или лентами. Подпоясываетъ она этотъ хысъ шелковымъ вязанымъ широкимъ поясомъ съ прекрасными наконечниками изъ золотаго или серебренаго позумента; у которой же нѣтъ подобнаго кафтана (хыса), та надѣваетъ на себя *сара* (желтянку), похожую на дамскую визитку или бурнусъ. Она бываетъ съ рукавами

(*) Изъ здѣшнихъ рекрутъ, при наборѣ, по большой части поступаютъ въ Гвардейскіе и Гренадерскіе полки, по красивой наружности исполинскому росту. У меня два брата въ военной службѣ, изъ коихъ одинъ старшимъ кониромъ въ Гренадерской артиллеріи, а другой, младшій, въ армейскомъ полку въ Херсонѣ.

и вышита вся вычурными узорами шелкомъ какъ по канвѣ. Желтяикой называется этотъ нарядъ потому, что узоры его всѣ желтые. Во 2-хъ, назади къ поясу подвѣшивается *туваткалъ* четвероугольникъ (по случаю его четвероугольной формы), вышитый подобно сарѣ и покрывающій весь задъ. Въ 3-хъ, на голову надѣвается *хошпа*, иначе называемая «валъ ами». Хошпа у низовыхъ чувашскихъ женщинъ-высокая какъ буракъ, а у здѣшнихъ-красивая низенькая, покрываетъ едва лобъ и виски, какъ широкая лента; шириною она меньше ладони съ простирающимся книзу до поясницы концомъ, въ родѣ ленты такой же ширины. На головѣ хошпа украшена серебряными старинными мелкими монетами, а конецъ ея назадъ унизанъ нынѣшними монетами, отъ полтинника до пятачка постепенно; у бѣдныхъ же, въ числѣ монетъ, много находится мѣдныхъ небольшихъ бляхъ съ изображеніемъ разныхъ всадниковъ на коняхъ. Въ 4-хъ, надѣвается черезъ плечо въ родѣ солдатской портупеи лента, шириною въ ладонь, украшенная по краямъ разными шелехами и корольками, а посрединѣ-старинными серебряными мелкими и крупными монетами до полтинника. Это называется *ама* т. е. женщина. Въ 5-хъ, на шею надѣвается „теветь“ (*) въ родѣ ожерелья, унизанное разными старинными монетами отъ четвертака до гривенника. Оно бываетъ только по грудь какъ у Татарокъ воротъ рубахи и шириною пальца въ два. Въ 6-хъ, на груди двѣ боль-

---

(*) Слово теветь не чувашское.

шія *шульгамы* (*): изъ нихъ первая, верхняя, длиною и шириною въ четверть, а нижняя длиною четверти въ двѣ, шириною въ четверть. Онѣ унизаны въ нѣсколько рядовъ плотно, какъ будто чешуей, на толстой кожѣ, серебряными старинными мелкими монетами, а по краямъ-нынѣшними монетами отъ пятачка до четвертака, и сверхъ того нижній край унизанъ бѣлыми корольками, называемыми иначе змѣиными головками. Эти шульгамы у чувашской молодки покрываютъ всю грудь. Въ 7-хъ, сверхъ всего описаннаго наряда накидываютъ женщины на себя *шобыръ* въ родѣ большой шали. Онъ бываетъ изъ холста, кругомъ съ кистями, а по угламъ съ вышивками. Наконецъ въ 8-хъ, въ ушахъ вмѣсто серегъ на подвѣскахъ находятся деньги отъ четвертака до гривенника и круто согнутыя серебряныя или подъ-серебро проволочки, называемыя *алга*, серьги. На ногахъ толсто наверчены онучи, съ подвязками наверху, и маленькія красивыя съ небольшими головками лапти (такія лапти называются *шырча пусьла сюбада* т, е. съ бисерными головками лапти, хотя бисеру на нихъ вовсе нѣтъ), а на кисть одной руки навязываютъ женщины сарпанъ въ родѣ полотенца, вмѣсто платка, которымъ онѣ машутъ, когда поютъ пѣсни. На пальцы, само собою разумѣется, навздѣваютъ множество перстней серебряныхъ и мѣдныхъ съ дешевыми камешками, а на поясѣ рубахи развѣшиваются по бокамъ *лаптакъ,* коротенькія въ родѣ лентъ

(*) Названіе это происходитъ вѣроятно тоже отъ шилинга, потому что шульгамы унизаны мелкими монетами.

украшенія съ разными узорами, вышитыми шелкомъ и съ кистями на концахъ. Сверхъ того навязываютъ на поясъ кожаные кошельки съ деньгами и разные корольки.

Когда женщина приготовляется ѣхать на свадьбу, то серебреныя свои украшенія всѣ вычиститъ мѣломъ, чтобъ блеснуть въ обществѣ: и дѣйствительно въ такомъ нарядѣ она производитъ эффектъ въ своемъ кругу. У богатой женщины весь нарядъ стоитъ болѣе ста руб. серебромъ, и свадебное одѣванїе у чувашскихъ женщинъ бываетъ весьма продолжительно.

Когда всѣ поѣзжане соберутся, сестры или родственницы начинаютъ одѣвать жениха. Одѣванiе происходитъ какъ лѣтомъ, такъ и зимою, непремѣнно на дворѣ въ анбарушкѣ или клети. Надѣваетъ онъ хорошій кафтанъ, подпоясывается шелковымъ кушакомъ, а сзади подвязываютъ ему ,,туваткалъ,, четвероугольникъ, значащійся въ числѣ женскаго наряда подъ № 2-мъ, и туваткалъ покрываетъ у него весь задъ; напереди надѣвается фартукъ *запонъ*, вышитый на груди разными узорами, равно и по краямъ и на концѣ: запонъ надѣваетъ на шею. На голову жениху надѣваютъ красную парадную суконную шапку съ сурковымъ или хорьковымъ околышемъ и навязываютъ на нее бумажный или шелковый красный платокъ, распустивши одинъ конецъ; на ноги надѣваются сапоги съ чулками или онучами, а рубаха на женихѣ бываетъ съ воротникомъ, унизаннымъ деньгами, гривенниками или пятачками; на руки надѣваетъ онъ черныя кожаныя перчатки или малинькія рукавички, а въ руку беретъ казацкую ногайку. Когда женихъ одѣнется, то полдружка ходитъ отъ него изъ

анбарушки три раза съ ковшомъ пива къ родителямъ его, сидящимъ чинно въ избѣ за столомъ, и спрашиваетъ ихъ каждый разъ: что они пожертвуютъ сыну своему (то есть, лошадь-ли, анбаръ-ли или что-нибудь другое)? Родители отвѣчаютъ полдружкѣ, что если- де сынъ будетъ добронравенъ, то они ничего для него не пожалѣютъ, намѣрены отдать весь домъ ему въ наслѣдіе. Такія слова полдружка передаетъ жениху, съ которымъ наконецъ выпиваютъ по ковшу пива, поднеся другъ другу (*).

Послѣ этого полдружка съ женихомъ тотчасъ выходитъ на дворъ, гдѣ устроены лавки (шиликъ) и, по повелѣнію той бося (главы свадьбы), кричитъ музыкантамъ, пузырникамъ и барабанщикамъ начинать играть. Когда же оркестръ загремитъ, то поѣзжане начинаютъ бить въ ладоши съ присвистомъ, а полдружка пляшетъ; послѣ него пляшутъ поочереди два изъ холостыхъ молодцовъ. Послѣ пляски, всѣ поѣзжане и женихъ шумно идутъ въ избу къ родителямъ съ пѣснею: Ой ра-ре-ря-ре-ря-ря-ой-ря ря-ре-ря-ря Это начало свадьбы называется ,,шынгылаче,, тревожатся или поднимаются.

Въ избѣ для жениха приготовленъ особый столъ и за столомъ на лавкѣ разостланъ войлокъ или кошма ,,собанчикъ''. Взошедши съ поѣздомъ въ избу, къ родителямъ, женихъ трижды переворотитъ войлокъ и ударитъ его три же раза нагайкою, что бы дурное съ мѣста его удалилось. Потомъ отецъ кладетъ на войлокъ цѣлко-

(*) Пиво и вино во время одѣванія жениха находится съ нимъ въ анбарушкѣ.

вый или менѣе, смотря по состоянію, и тогда женихъ, до того времени стоявшій и дожидавшійся, чтобы не сѣсть на пустое мѣсто, садится и деньги беретъ себѣ. Тутъ полдружка подчуетъ жениха и всѣхъ поѣзжанъ пивомъ и виномъ, находящимися въ избѣ въ довольномъ количествѣ, и когда всѣхъ подпоитъ, надѣваетъ на одно плечо лукъ, навязавши на верхній конецъ его для красы, холста аршинъ шесть, вложивъ стрѣлу въ кожаныя ножны (по-чувашски кистень), которыя подвѣшиваетъ себѣ на кушакъ какъ шпагу.

Нарядившись такимъ образомъ полдружка еще разъ пляшетъ подъ звуки пузырей и барабановъ, при хлопаньѣ въ ладоши съ присвистомъ прочихъ поѣзжанъ, а потомъ предлагаетъ другимъ веселиться и плясать: на этотъ вызовъ пляшутъ поодиначкѣ двое или трое изъ холостяковъ.

По окончаніи танцевъ, полдружка зоветъ всѣхъ поѣзжанъ: »*айдыръ ачазамыръ каябыръ*» пойдемъ-те, ребята, поѣдемъ и такимъ образомъ отправляются къ невѣстѣ, женихъ, дружка, жена его (сваха), полдружка, пузырникъ и прочіе поѣзжане, въ особенности холостые верхами, а другіе мущины, равно и всѣ вообще женщины на телѣгахъ съ кибитками. Случается, что на иной телѣгѣ сидитъ иногда человѣкъ до 10-ти и болѣе, если поѣздъ великъ и свадьба богата. *Тойбосъ* (глава свадьбы) повѣситъ черезъ плеча четыре *такмака* (кожаныя сумки) съ гостинцами, то есть сырниками (*чигытъ*) и печеными на маслѣ лепешками (*сюгю*), а дружка-два *такмака* съ такимижъ гостинцами. Женщины въ своихъ нарядахъ ѣдутъ стоя, держась за кибитки.

Выѣхавши за полевыя ворота жениховой деревни, той-бось (глава свадьбы) приказываетъ остановиться поѣзду и кричитъ: всѣ ли ребята выѣхали? и когда удостовѣрится, что выѣхали всѣ, командуетъ снять шапки мущинамъ и молиться Богу. При моленіи той-бось, держа подъ мышкою шапку свою, говоритъ: тора сирлахъ, тора анбрахъ, тора полышъ пиря, намусъ анъкудартъ, то есть: Господи помилуй, Господи не оставь, Господи помоги намъ, не введи въ стыдъ или въ посмѣяніе. Помолившись такимъ образомъ, отправляются далѣе за невѣстой.

Когда ѣдутъ за невѣстою, женщины стоя на повозкахъ, поютъ дорогою слѣдующую пѣсню:

Сябахъ 2 изэ тозыбыръ 3 ильмезыръ каясь сiокъ 3.—Непремѣнно 2 увеземъ 3, не взявши не поѣдемъ 3.

Пиринъ бада пырзанъ лаихъ полинь лаихъ чи 3.—Имѣющая прiѣхать съ нами о, еслибы была хороша 3!

Хонежине хонемуiшьне iоралла полиньчи 3.—Свекру и свекрови о! еслибы была угодлива 3!

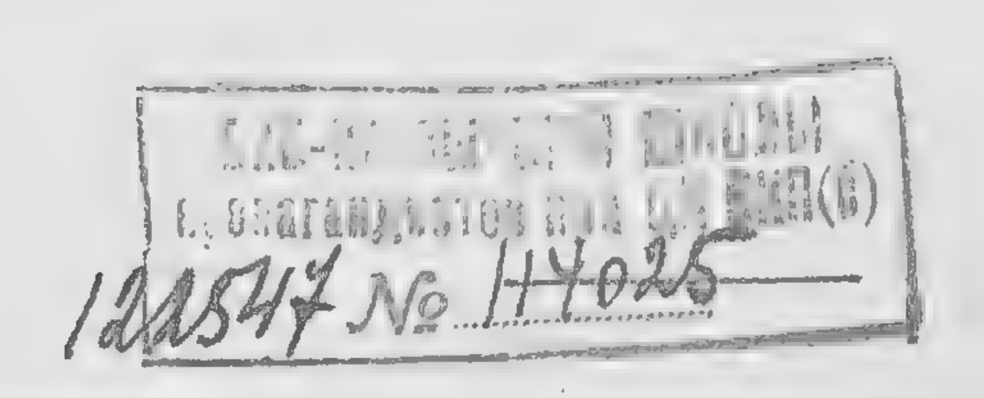
Опушкибе варла порниньчи, чиберь порниньчи 3.—Ахъ, какъ бы и съ мужемъ пожила согласно 3!

Ислеми синъ анъ болдырчи, и слеггенъ синъ полдырчи 3.—Не лѣниваба была, а работящая 3.

Пире бибылъ ябылъ синъ анъ болдыръ чи 3.—И для насъ была бы не противная 3.

Сякъ синъ iоралла ползанъ iоричи 3.—Какъ бы хорошо было, если бы была годная 3!

Мущины поютъ хоромъ: Эй ре ре ряй ре ре ряй рай ой рай рай рай ой ра ра! Эехъ оiохъ

оіохъ ой іой іой іой оіохъ оіохъ. и послѣднее беспрестанно повторяютъ; но всѣ эти припѣвы никакихъ словъ не заключаютъ, а одинъ только голосъ съ варіяціями.

Такія разнообразныя пѣсни, крикъ и шумъ поѣзжанъ, иногда голосовъ во сто, игра на пузыряхъ и бой въ барабаны, стукъ повозокъ съ кибитками, звонъ колокольчиковъ на каждой дугѣ, а у верховыхъ на шеѣ каждой лошади, равно брякотня бубенчиковъ, все это совершенно оглушаетъ. Притомъ же множество верховыхъ въ разнообразныхъ кафтанахъ, ѣдущихъ въ одной грудѣ на подобіе взвода, представляютъ видъ какого-то необыкновеннаго отряда; развѣвающійся у жениха на шапкѣ красный платокъ представляетъ видъ какого-то шлема, а съ женихомъ скачетъ полдружка съ лукомъ черезъ плечо, и на концѣ лука развѣвается навязанный бѣлый холстъ, какъ знамя или флагъ. Чѣмъ ближе подъѣзжаютъ къ невѣстиной родинѣ, тѣмъ болѣе стараются поѣзжане, а въ особенности верховые холостяки кричать и шумѣть, чтобъ показать свою удаль молодецкую и удивить красавицъ, которыя, завидя издали приближающійся поѣздъ, начинаютъ перебѣгивать и охорашиваться, то есть приглаживать свои волосы, чтобы отъ нихъ свѣтилъ лоскъ, одѣвшись заранѣе въ лучшія рубахи (*), а ребятиш-

---

(*) Здѣсь дѣвицы чувашскія красотки и весьма граціозны. Онѣ головы свои моютъ горячею водою пополамъ съ квашенымъ молокомъ, называемымъ ойранъ (у Качинскихъ татаръ такое молоко называется айранъ: Каз. Губ Вѣд. 1852 г. № 35 стр. 406), и стараются, чтобы волосы у нихъ блестѣли какъ можно ярче: и точно, они блестятъ какъ клеенка. Одѣваются весьма опрят-

ки взлѣзаютъ на крыши, чтобы издали увидать поѣздъ съ женихомъ.

Между тѣмъ у невѣсты для свадьбы все приготовлено: сварено барана два или три въ большихъ котлахъ, для стола, да запасено пива и вина, но впрочемъ при такомъ разгулѣ, Чуваши мало ѣдятъ, а болѣе пьютъ.

Когда поѣздъ приблизится къ двору невѣсты, то ея *выйкиль бось*, глава веселья (*) запираетъ ворота и кричитъ: туръ той, стой свадьба, дабы получить недоплаченый калымъ за невѣсту, и прибавляетъ, что если не будетъ заплачено всего калыма, то возмите невѣсту и поѣзжайте безъ всякаго угощенія и приданаго, такъ какъ иногда бываетъ у нихъ точно калымъ недоплаченъ, и въ такомъ случаѣ поѣздъ въѣзжаетъ

ко: рубаха бѣлая какъ снѣгъ, грудь и воротъ вышиты разными узорами, а послѣдній унизанъ бѣлыми раковинами, бисеромъ и мелкими серебряными деньгами; черезъ плечо узоры на подобіе лентъ съ серебряными или поддѣльными позументами, на шеѣ на цѣпочкахъ оловянные большіе кресты и разноцвѣтныя ленты; на груди одна большая шульгама какъ и у женщинъ; напереди бѣлый фартукъ (запонъ) съ вышивками на концѣ, подъ плеча подпоясаны шелковымъ вязанымъ поясомъ, а по самой поясницѣ—тесьмяннымъ, на которомъ висятъ множество корольковъ, кистей и непремѣнно маленькій кошелечикъ (еньчикъ) съ деньгами и мѣдная гребеночка, сдѣланная конькомъ; на концѣ косы черная кисточка съ мѣдными трубочками, называемая и у дѣвокъ, и у бабъ хоря т. е. хвостикъ.

(*) Въ эту должность избирается со стороны невѣсты кто нибудь изъ родственниковъ ея; онъ у невѣсты тоже, что подружка у жениха, и называется глава домовеселья, ибо по-чувашски *вый* значитъ игра, *киль*-домъ, *бось*-глава, что въ сложности составитъ: игральнаго дома глава, а правильнѣе: глава домовеселья.

на дворъ къ сосѣду невѣсты, откуда глава свадьбы съ дружкою являются для переговоровъ къ невѣстиному отцу, съ которомъ дѣло улаживаютъ какъ должно, и тогда свадьбу впускаютъ къ невѣстѣ. Впрочемъ, эта церемонія дѣлается иногда изъ прихоти со стороны невѣстинаго вый киль бося (главы веселья), хотя калымъ и былъ уплаченъ при сватаньи.

По вступленіи поѣзда на дворъ къ невѣстѣ, тойбось, дружка и полдружка вмѣстѣ съ женихомъ объѣзжаютъ верхами три раза по солнцу, кругомъ шилика, то есть вкругъ устроенныхъ лавокъ. Потомъ невѣстинъ *тойбось*, то есть глава свадьбы (*), велитъ жениху слѣзть съ коня, и тутъ дружка съ полдружкою чинно принимаютъ его съ лошади, а лошадь его, какъ и прочихъ другихъ, отдаютъ подъ присмотръ «*пюлюхси*» служителя.

Тутъ жениху подаетъ кто-либо изъ родственниковъ невѣсты ковшикъ пива и, когда онъ выпьетъ, говорятъ ему: *ларъ вырна*, то есть садись на мѣсто. Когда женихъ взойдетъ въ шиликъ (мѣсто для сидѣнія и пированья съ лавками), переворачиваетъ разостланный войлокъ какъ и у себя дома, три раза и три раза ударяетъ нагайкою, а невѣстины родители кладутъ на войлокъ деньги, цѣлковый или менѣе (**); женихъ, взявши деньги себѣ, садится на свое мѣсто, за

(*) У невѣсты, какъ и у жениха, бываетъ такое лицо изъ родственниковъ или изъ постороннихъ.

(**) Деньги сіи называются Чувашами *Шиликъ окси*, то есть шиликовы деньги, отъ коихъ, вѣроятно, и называются устраиваемыя на дворахъ лавки, какъ у жениха такъ и у невѣсты, шиликами.

особый приготовленный ему столъ вмѣстѣ съ дружкою и свахою. У жениха па столѣ лежитъ непочатой коровай хлѣба, масляныя лепешки (сюгю), яишница, приготовленная на молокѣ, и другое какое-нибудь молочное кушанье; ибо ему кромѣ молочнаго и яичнаго ничего не подаютъ, дабы женихъ наслаждался какъ сыръ въ маслѣ. Онъ тутъ сидитъ въ шапкѣ, повязанной, какъ сказано, платкомъ, въ перчаткахъ или рукавицахъ, держа въ рукахъ нагайку; а за другимъ столомъ въ этомъ же шиликѣ садятся на приготовленныя подушки (сидаръ) сведебные главы «тойбось» какъ съ жениховой, такъ и съ невѣстиной стороны, въ шапкахъ же; у нихъ на столѣ находится пиво, вино и всѣ гостинцы, привезенныя въ такмакахъ на плечахъ жениховымъ свадебнымъ главою, равно и дружкою, и сверхъ того къ столу ихъ привязана кудрявая березка, на вершинѣ которой развѣвается, въ родѣ флага, бѣлый сарпанъ (повязка женская въ родѣ полотенца съ узорами по краямъ); къ этимъ двумъ лицамъ присоединяются отецъ и мать невѣстины и подчуютъ ихъ безпрестанно. Свадебныя главы, сидя чинно на подушкахъ, наблюдаютъ за гуляньемъ и пированьемъ поѣзжанъ, какъ начальники на этомъ торжествѣ.

Въ тоже самое время какъ женихъ усядется на свое мѣсто, начинаютъ въ клети или анбарушкѣ убирать невѣсту, подруги ея называемыя *хирь сіомъ*, то есть помощницы. Эти дѣвицы одѣваются сами какъ можно чище и для отличія отъ прочихъ надѣваютъ черезъ плечо *ама*, нарядъ (подъ № 43) въ родѣ широкой ленты, унизанный мелкими монетами и разными шелехами, которые побрякиваютъ во время ходьбы.

Въ продолженіе одѣванья невѣсты, стекаются въ уборную клеть ея для смотра и прочія дѣвки и ребятишки. Первоначально подруги надѣваютъ на невѣсту *Хысъ*, нарядъ значащійся подъ № 1-мъ, а потомъ черезъ плечо ама, какъ и у подругъ ея (нарядъ подъ № 4-мъ). Между тѣмъ невѣстинъ *выйкиль бось* глава домовеселья, ходитъ три раза, какъ и у жениха полдружка, съ ковшомъ пива къ родителямъ ея, сидящимъ въ шиликѣ съ тойбосями (свадебными главами) и, подойдя къ нимъ, спрашиваетъ каждый разъ, что они дадутъ дочери въ приданое? Родители скромно отвѣчаютъ ему, что если она будетъ хороша, то дадимъ и лошадь, и корову, и овецъ и всего, что ни пожелаетъ дочь. Возвратившись къ невѣстѣ въ уборную клеть, выйкиль-бось говоритъ наконецъ *таву сана*, то есть поздравляю тебя, или здравствуй, и выпиваетъ ковшикъ пива, а потомъ подноситъ невѣстѣ (*). Когда невѣста выпьетъ, то подружки накрываютъ ее длиннымъ бѣлымъ покрываломъ *пюргенчикъ*, съ вышивками на углахъ и по краямъ, но невѣста три раза отмахиваетъ съ себя покрывало, не желая быть подъ нимъ; наконецъ она съ печальнымъ видомъ допускаетъ покрывало на свою голову. Тутъ ея выйкиль-бось приказываетъ невѣстину пузырнику играть, а прочимъ плясать. Первоначально пляшетъ самъ выйкиль-бось, а за нимъ двѣ подруги невѣстины, поодиначкѣ.

(*) Пиво и вино во время одѣванья находятся у невѣсты въ клети и поставлены непремѣнно на тѣхъ кадушкахъ, въ которыя укладывается приданое. Кадушки кіи называются шобашка чирясъ и бываютъ съ крышкою и замкомъ.

По окончаніи танцевъ, невѣсту ведутъ въ избу подъ покрываломъ: тамъ для нея постлана перина за занавѣсомъ, приготовленъ столъ съ закусками, обыкновенно съ масляными лепешками *сюгю*, сырниками *чигытъ*, поставлено пиво и вино. Зашедши съ праваго конца стола, невѣста садится на перину *тюжекъ*, отдернувши нѣсколько занавѣсъ *чадыръ*. Рядомъ съ нею садится замужняя сестра ея или другая родственница и учитъ какъ выть, провывши сама раза съ три. Вытье по-чувашски говорится *хюхъ*, а воетъ-*хюхлять*. Невѣста воетъ слезно и приговариваетъ болѣе сіи слова: *ахъ, ати! ахъ, аби! Мана азыръ іоратмарыръ, прахса яраттыръ; манынъ ись сыре іорамаре тьмъ*, то есть: ахъ, батюшка! ахъ, матушка! меня вы не взлюбили, оставили, выдаете; моя работа вамъ не понравилась вѣрно. Обращаясь къ братьямъ и сестрамъ, она говоритъ привывая: *ай чонъ-зимъ пичи боръ діадыпъ, ай чонъ-зимъ аги боръ діадыпъ*, то есть: ахъ, душенька братецъ, говорю! ахъ душенька сестрица, говорю! Словъ употребляетъ она при вытьѣ множество. Если тогда знающему чувашскій языкъ находиться близъ плачущей невѣсты, весьма трогательными покажутся ея выраженія, въ особенности когда начнетъ привывать родныя поля, лѣса, воды, колыбель своего младенчества, воспитаніе родителей, благодѣянія ихъ, свои труды; далѣе, горькую разлуку съ родиною и родными, будущую участь въ кругу потомковъ другаго родоначальника, и въ семъ случаѣ клачъ ея подобенъ слѣдующимъ стихамъ:

О ты, Юнга, родной мой край,
Гдѣ колыбель меня пріяла,

Лью слезы, говоря: прощай!
Я сиротой печальной стала.

* *
*

Прощай страна моихъ отцевъ,
Прощайте дни мои младые!
Къ тебѣ я сохраню любовь,
Въ предѣлы удалясь чужіе.

* *
*

Мой конь не всю меня увлекъ:
Здѣсь я часть жизни оставляю;
Прими, прими ее навѣкъ,
Тебѣ въ дань сердце обрекаю!

Такимъ образомъ, невѣста продолжая выть, обнимаетъ каждаго изъ подходящихъ къ ней поочередно, начиная съ родителей и прочихъ родныхъ, всѣхъ однодеревенскихъ съ нею мужиковъ, женщинъ, дѣвицъ и даже ребятишекъ, причитая каждому изъ нихъ приличныя слова, и плачетъ во весь голосъ не утѣшно. Она притомъ подноситъ подошедшему ковшикъ, *корга,* пива, въ который тотъ кладетъ ей грошъ или пятакъ, а другіе кладутъ по гривеннику, четвертаку и даже по полтиннику, смотря по достатку. Деньги сіи называются *хюхь окси* вытныя деньги, лучше сказать дань плача, и невѣста кладетъ ихъ себѣ либо въ пазуху, либо на перину, гдѣ сидитъ. Церемонія сія продолжается нѣсколько часовъ, пока не увезутъ невѣсты къ женпху. Скажу про себя: я нѣкогда былъ на чувашской свадьбѣ и сидѣлъ подлѣ невѣсты. Она, обнявши меня, ста-

ла привывать: «ахъ, ты братецъ мой роднмой! позволь уронить мнѣ нѣсколько горячихъ слезъ на тебя; ты меня простишь, ты не обидишься; прости теперь меня, *пиренъ ыра олбутъ* нашъ хорошій господинъ, и не забудь моихъ сердечныхъ слезъ». При этихъ умильныхъ словахъ я не могъ удержаться, чтобы не заплакать: можетъ быть это произошло и отъ того, что рыдающая была родная моя сестра Татьяна....

Между тѣмъ у невѣсты въ избѣ собравшіеся родные и однодеревенскіе холостяки, дѣвицы и женщины пляшутъ подъ звуки невѣстиныхъ пузырниковъ и сильно гайкаютъ, припрыгивая и ударяя въ ладоши въ тактъ, чтобы невѣсту распотѣшить и въ послѣдній разъ въ присутствіи своей дѣвицы повеселиться.

Мы не говорили еще о томъ, что дѣлается у жениха на дворѣ; извольте разскажу: тамъ, какъ только усядется женихъ на свое мѣсто, равно и свадебныя головы съ родителями невѣсты, пойдетъ такая потѣха, что не захочешь въ другой разъ быть на чувашской свадьбѣ. Здѣсь, просто сказать, совершенно содомъ и гоморра: всѣ поѣзжане и стекшійся изъ сосѣдственныхъ околотковъ обоего пола народъ, окруживши шиликъ, гдѣ сидятъ женихъ и свадебные головы, сильно шумятъ и гайкаютъ, поютъ пѣсни, бьютъ въ барабаны, пузырники наперерывъ играютъ въ пузыри, и холостяки, въ новыхъ своихъ рукавицахъ, бьютъ въ ладоши; причемъ по очередно всѣ пляшутъ, кромѣ жениха и головъ свадебныхъ *тойбось*, начиная отъ дружки до послѣдняго человѣка (*). Въ народѣ стоитъ и большая тол-

(*) Скажу, что здѣшніе Чувашскіе молодцы отлично пляшутъ и въ присядку и казачка, выдѣлывая удивительные изгибы.

па дѣвицъ, пришедшихъ изъ окольныхъ деревень для смотрѣнія свадьбы и себѣ жениховъ. Холостяки, по окончаніи своихъ танцевъ, берутъ дѣвицъ по одиначкѣ заруки и влекутъ въ средину шилика плясать; дѣвица стыдится сначала, хочетъ вырваться отъ нихъ, но безуспѣшно; молодцы увлекаютъ ее, и она, наконецъ, очутясь на площадкѣ *шилика*, становится въ позицію и, захвативши рукава бѣлой своей рубахи, протягиваетъ руки, а потомъ, сдѣлавши раза съ три книксенъ, пойдетъ передвигать взадъ и впередъ свои ножки въ красивенькихъ лапоткахъ, бодро смотря на молодцовъ, а руки вздергивая и опуская и дѣлая быстрые обороты; когда же кончитъ пляску, дѣлаетъ вновь книксенъ, кланяясь свадебнымъ головамъ, сидящимъ за особымъ столомъ на подушкахъ и въ шапкахъ. Тутъ дѣвицѣ подаютъ ковшикъ пива. Такимъ образомъ холостяки перебираютъ поочередно всѣхъ дѣвицъ, сколько бы ихъ ни было. Въ народѣ въ это время сильная давка и толкотня, а звукъ пузырей, бой барабановъ, шумъ многихъ колокольчиковъ и бубенчиковъ, крикъ, гайканье, пѣсни, бой въ ладоши, рѣзкіе свистки, все это поражаетъ уши; разнообразные же костюмы мущинъ и женщинъ представляютъ картину весьма интересную для наблюдателя. Холостяки, когда бьютъ въ ладоши, больше кричатъ хоромъ: ой ой ой ойіохъ ойіохъ, повторяя послѣднее какъ можно чаще. Пузырники при семъ случаѣ стараются показать себя всячески: они, играя въ пузыри, изгибаются въ три погибели, качаются и взадъ и впередъ и посторонамъ какъ фигляры; головы свои не знаютъ ужъ куда и закинуть, топаютъ ногами въ такты подъ звуки пузырей, стоя на ус-

троенныхъ лавкахъ *шиликъ*, а иногда выдернувъ изъ рта цѣвку, въ которую надуваютъ пузырь, производятъ рѣзкіе свистки, будто Соловей разбойникъ; такъ же свистятъ губами и холостяки, бьющіе въ ладоши и гайкающіе во время плясокъ. Пузырный звукъ походитъ на *тигинъ тигинъ тигинъ-до-до-до тигинъ-до тинъ-до!* а бой барабановъ на *ту-ту-ту-ту ту-тутъ!-туту-тутъ! туту-тутъ!*

Женщины, пріѣхавшія съ женихомъ, поютъ тогда на дворѣ невѣсты слѣдующую пѣсню;

Сябахъ 2 изэ каятпыръ, каятпыръ 3.—Увезли, таки увезли, и веземъ 3.

Конда хварасъ сіокъ, аберъ хварасъ сіокъ 3.—Здѣсь не оставимъ мы, не оставимъ 3.

Аберъ ильмезыръ каясъ сіокъ 3.—Мы не взявши не поѣдемъ 3.

Ача чиберь марсти! 3 ача чиберь тареби! 3.—А красавица Марья! 3 Красавица Дарья! 3.

Пиринъ-да ача лаихъ чиберь Кригоріи Кригоріи! 3.—И у насъ дѣтинушка хорошъ-пригожъ Григорій, Григорій! 3.

Сябахъ сябахъ изэ кайрымыръ, изэ кайрымыръ 3.—Увезли, таки увезли, и веземъ 3.

Сябахъ хвармарымыръ, изэ кайрымыръ 3.—Не оставили, таки не оставили, увезли 3.

Мущины и женщины поютъ хоромъ:

Ре, рэ ре рэ, ойра рай, рай, рай, ра 10.

Когда женщины поютъ вышеприведенныя пѣсни, то непремѣнно размахиваютъ навязанными на кисть одной руки въ родѣ полотенца *сорбанами*, показывая тѣмъ свою бодрость.

Когда побываешь на чувашской свадьбѣ, то послѣ шумитъ въ ушахъ цѣлую недѣлю; такого шуму на свадьбахъ у низовыхъ Чувашъ и чет-

вертой части не бываетъ; здѣсь же у насъ совершенно другое, а пиво, пиво! ахъ ужъ это пиво! такъ и льется на свадьбахъ у Чувашъ и ковшами и чашками, да притомъ же оно весьма пьяно: выпивши ковша два остолбѣнѣешь и будешь совершенно во власти Бахуса.

Такъ какъ свадьбы у Чувашъ большею частію бываютъ по ночамъ, то въ это время и собаки у нихъ не спятъ, отъ сильнаго шуму и гайканья, и бѣгаютъ по деревнѣ, незная куда дѣваться. Когда случится проѣзжать мимо той деревни, въ которой свадьба, гайканье слышно верстъ за пять или за шесть, въ особенности по утренней зарѣ; подумаешь, что идетъ какая-нибудь рать непріятельская.

Когда же перепьются, напляшутся, то поѣзжане съ своими пузырниками и барабанами идутъ съ двора къ невѣстѣ въ избу, гдѣ она печально воетъ: тутъ такая опять давка, что нельзя и пошевельнуться. Здѣсь жениховы пузырники съ невѣстиными начинаютъ соперничать въ игрѣ и стараются всячески перебить невѣстиныхъ, а тѣ жениховыхъ музыкантовъ, и отъ того нѣкоторые изъ нихъ, выбившись изъ силъ, падаютъ и бросаютъ свои пузыри, какъ я описывалъ раньше въ № 31 прошлаго года Каз. Губерн. Вѣдомостей; а у поѣзжанъ тѣ же пляски и тотъ же шумъ, что было и на дворѣ у шилика. Послѣ сего невѣстинъ глава домовеселья *выйкиль бось*, посмотрѣвъ на жениховыхъ поѣзжанъ, выгоняетъ ихъ изъ избы вонъ, и когда они пойдутъ гурьбою на дворъ, то за ними вслѣдъ выходитъ и невѣста, выводимая посаженымъ отцомъ жениха *хыйматлыхъ*. На дворѣ подаетъ служитель *пюлюхся* пары двѣ

или три лошадей съ повозками, въ которыя подруги или помощницы невѣсты, въ присутствіи ея, укладываютъ приданое, сложенное и запертое въ одной или въ двухъ кадяхъ, *шобашка чирясъ* (*), кладутъ также въ повозку перину *тюжекъ* и подушки *сидаръ*. Подушки у Чувашъ длинныя какъ мѣшки, весьма удобныя для вьюченья на лошадь, что самое вѣроятно и дѣлали встарину. По окончаніи укладыванія приданаго, посаженный отецъ *хыйматлыхъ* даетъ дѣвицамъ за труды денегъ, а невѣста опять возвращается въ избу съ тѣми же слезами.

Между тѣмъ служитель *пюлюхся* подводитъ къ крыльцу для невѣсты осѣдланную лошадь, приведенную, конечно, отъ жениха, а посаженный отецъ или смѣльчакъ *хыйматлыхъ*, взошедши въ избу, скромно подходитъ къ невѣстѣ и, взявши у нея руки, выводитъ ее въ шиликъ къ свадебнымъ главамъ *тойбось*, сидящимъ въ шапкахъ, на подушкахъ, и тутъ въ присутствіи ихъ и жениха, тоже сидящаго на своемъ мѣстѣ, невѣста раздаетъ прощальные дары родителямъ своимъ, родственникамъ и пузырникамъ, неразлучно при ней играющимъ. Потомъ съ этими же музыкантами возвращается она опять въ избу, гдѣ со всѣми прощается, обнимая почти каждаго и горько рыдая при звукахъ пузырей, въ которые музыканты невѣстины нарочно играютъ тогда заунывно и протяжно, а со стороны родственниковъ ея вопль и плачь происходятъ въ избѣ неописанные....

(*) *Чирясъ* по-чувашски кадушка, а *шобашка* вѣроятно есть испорченное кубышка. Встарину, говорятъ, эти кади съ приданымъ навѣшивали на лошадь, какъ въ степяхъ.

Во время такой печальной церемоніи, женихъ поднимается съ своего мѣста со всѣми своими поѣзжанами и садится на подведенную служителемъ *пюлюхся* лошадь свою, точно грозный богатырь; также садятся на лошадей дружка и полдружка, а свадебный голова жениховъ *тойбось* остается еще на своемъ мѣстѣ въ шиликѣ, на устроенныхъ лавкахъ, съ родственниками невѣсты и свадебнымъ ея головою, чинно сидя на подушкахъ и въ шапкахъ. Между тѣмъ женихъ съ дружкою и полдружкою, геройски объѣзжаютъ по солнцу трижды кругомъ устроенныхъ лавокъ *шиликъ*, и когда объѣдутъ, полдружка пускаетъ на Востокъ стрѣлу, за которою бросаются всѣ ребятишки, находящіеся на свадьбѣ; нашедши стрѣлу, они приносятъ ее къ женихову головѣ свадьбы; онъ, отдавши обратно стрѣлу тому, кто ее первый нашелъ, спрашиваетъ ребятишекъ: далеко-ли упала стрѣла и не подрались-ли они изъ-за нея? Если стрѣла упала далеко, то значитъ невѣста долго проживетъ, а если близко, то, по чувашскому суевѣрію, недолго.

Потомъ свадебному головѣ кладутъ въ четыре его сумы, похожія на русскія кисы, *такмакъ* новыхъ моленыхъ гостинцевъ, такихъ же, какіе онъ привезъ отъ жениха, то есть масляныхъ лепешекъ *сюгю* и сырниковъ *чигытъ*, чтобы у невѣсты хлѣбъ и соль не переводились и она жила бы счастливо съ мужемъ своимъ. Тогда свадебный голова поднимается съ своего мѣста и распростившись съ невѣстиными родителями и свадебнымъ ея главою *тойбось*, выѣзжаетъ съ женихомъ и со всѣмъ поѣздомъ съ двора на

улицу; выѣхавши туда, спрашиваетъ также, какъ и при выѣздѣ отъ жениха: всѣ-ли выѣхали?

Посаженный отецъ или иначе смѣльчакъ *хыйматлыхъ*, не выѣзжая съ двора, отправляется за невѣстою въ избу, а женихъ съ поѣздомъ, держа нагайку въ рукахъ, дожидается нѣвѣсты за воротами. Невѣста съ горькими рыданіями наконецъ выводится *хыйматлыхомъ* изъ избы и сажается подъ покрываломъ на поданную служителемъ *пюлюхся* лошадь верхомъ; когда же она вложитъ ноги въ стремена сѣдельныя, хыйматлыхомъ же, сидящимъ тоже верхомъ, выводится съ двора, и какъ только она выѣдетъ, женихъ ударяетъ ее три раза по спинѣ нагайкою, для того, чтобы она забыла дѣвичью волю, чтобъ удалилось отъ нея все дурное и чтобъ она привыкала къ чужой сторонѣ. У воротъ или даже до полевыхъ воротъ невѣсту провожаютъ родители съ родственниками и всѣми однодеревенскими жителями, при томныхъ звукахъ пузырей. Посаженный отецъ *хыйматлыхъ*, держа поводъ невѣстиной лошади, ѣдетъ съ нею рядомъ, а по другую сторону ѣдетъ жена дружки *сваха*; самъ же дружка ѣдетъ рядомъ съ женихомъ, а по другую сторону—полдружка съ лукомъ, уже безъ стрѣлы, лишь съ чехломъ, *кистень*, ибо стрѣла, какъ уже сказано, отдается тому изъ мальчиковъ, который первый нашелъ те; изъ поѣзжанъ же, верховые ѣдутъ гурьбою впереди, какъ наѣздники, а повозки позади. Такимъ образомъ поѣздъ отправляется въ домъ жениха съ наигрываньемъ тѣхъ же пузырей, барабановъ, гайканьемъ и шумомъ, но все это уже гораздо сильнѣе прежняго, по случаю взятія невѣсты, а женщины, стоя на телѣгахъ и при-

слонившись задомъ къ кибиткамъ, поютъ ро-до гою туже самую пѣсню: увезли и веземъ и проч.

По отъѣздѣ невѣсты, сошедшіеся изъ окрестныхъ околодковъ народъ и дѣвицы толпами расходятся по домамъ; въ числѣ мущинъ увидишь и пьяныхъ.

Когда невѣсту привезутъ въ домъ жениха, то принимаетъ ее съ лошади тотъ же хыйматлыхъ, посаженый отецъ, на разостланную на дворѣ кошму *собынчикъ* или войлокъ *кизе*, на который родителями жениха кладутся деньги. Невѣста наступаетъ на деньги и беретъ ихъ себѣ. Такъ какъ поѣздъ возвращается съ невѣстою почти всегда къ вечеру, то послѣ сего обряда запираютъ невѣсту спать въ клѣть съ золовками или другими родственницами жениха. Тѣ поѣзжане, которые несродни жениху, выпивши пивца и винца, разъѣзжаются по своимъ деревнямъ, находившіеся же въ церемоніи, равно и родственники остаются у жениха отдыхать до слѣдующаго утра, для исполненія окончательныхъ обрядовъ. Это называется *шиликъ ирдерясъ,* то есть проводить или окончить шиликъ (устроенныя на дворѣ для церемоніи лавки).

По утру невѣсту выводятъ въ томъ же нарядѣ и подъ покрываломъ изъ клети, гдѣ она почевала съ дѣвицами, и вмѣстѣ съ женихомъ отправляютъ для вѣнчанія въ приходскую церковь(1), куда съ ними ѣдутъ посаженный отецъ *хыйматлыхъ* и дружка съ женою (свахою); ѣздятъ съ ними и другіе родственники.

По окончаніи вѣнчанія, по пріѣздѣ въ домъ жениха, сваха снимаетъ покрывало съ новобрачной и голову у нея убираетъ по-женски сарпаномъ и насмакомъ, въ уши вдѣваетъ проволоч-

ныя серьги *алга* и наряжаетъ сверхъ того молодую въ хошпу (женскій парадный нарядъ подъ № 3-мъ). За тѣмъ начинаются слѣдующія церемоніи.

1) Новобрачныхъ и дружку съ женою его (свахою) становятъ на дворѣ среди устроенныхъ лавокъ *шиликъ* и покрываютъ всѣхъ четверыхъ кошмою: свадебный глава *тойбось*, помолившись на Востокъ Богу, съ яишницею въ чашкѣ, приготовленною жидко на молокѣ, отвѣдуетъ сначала это кушанье, а потомъ плещетъ по ложкѣ на покрытыхъ кошмою, по порядку, начиная съ молодаго, съ тѣмъ, чтобы новобрачные были бѣлы, чисты, какъ въ яишницѣ молоко, и чтобы наслаждались они во всю жизнь свою счастіемъ, какъ яишница въ молокѣ плаваетъ. Послѣ сего полдружка и двѣ дѣвицы поочередно пляшутъ подъ звуки пузыря, а одна изъ дѣвицъ пляшетъ, держа въ рукѣ на спичкѣ вареную въ молокѣ небольшую лепешку *сюмахъ*, съ которою она, по окончаніи пляски, проходитъ между стоящихъ подъ кошмою новобрачныхъ; у этой плясуньи молодая тутъ же выкупаетъ лепешку за 10 или 20 коп. Эта пляска называется *хирь сюмахъ*, то есть дѣвичья лепешка.

2) Молодые входятъ въ избу, въ которой всѣ церемоніальныя лица и родственники садятся кругомъ по лавкамъ и нарамъ, держа въ рукахъ по ковшу пива, и молодая начинаетъ имъ раздавать дары и кладетъ оныя на ту самую руку, въ которой у нихъ ковшикъ съ пивомъ *корга*: само собою разумѣется, что она даритъ начально свекра, свекровь, свадебнаго главу *тойбось*, жену его, посаженаго отца *хыймат-лыхъ*, жену его, дружку съ женою, полдруж-

ку, пузырниковъ, служителя *пюлюхся*, а затѣмъ родственниковъ, сидящихъ рядомъ по старшинству. Дары мущинамъ состоятъ изъ рубахъ, холста *кюбѣ пюлихъ*, то есть нарубашечный станъ, а женщинамъ изъ головныхъ уборовъ—сарпановъ, насмаковъ, но впрочемъ и имъ даритъ молодая рубахи или холстъ; музыкантамъ же, пузырникамъ сверхъ того платитъ самъ молодой деньгами по цѣлковому или по полтиннику. Когда новобрачная раздастъ всѣмъ дары, жена дружки *сваха* опрашиваетъ каждаго по порядку: доволенъ-ли подаркомъ? на это отвѣчаютъ всѣ: довольны; но хотя и отвѣчаютъ они такъ, а случается, что нѣкоторые остаются недовольны, и въ такомъ случаѣ сіи послѣдніе подарки свои выносятъ на дворъ и развѣшиваютъ на березкѣ, поставленой среди устроенныхъ лавокъ *шиликъ*, а молодая забракованные подарки тутъ же замѣняетъ другими.

3) По окончаніи этой церемоніи, молодая подноситъ каждому изъ обдаренныхъ по ковшу пива, а они кладутъ ей въ ковшикъ деньги, гривенникъ, четвертакъ, полтинникъ и даже нѣкоторые по цѣлковому, смотря по карману, и каждый притомъ цалуетъ молодую.

4) Послѣ такаго угощенія и дани со стороны гостей, молодую ведутъ въ лачугу *лась*: мужъ ожидаетъ ее на крыльцѣ, и когда она спускается съ крыльца, онъ наступаетъ ей на ногу, дабы узнать, не застѣнчива-ли она. При входѣ молодой въ лачугу, полдружка съ одною дѣвицею держатъ у порога, поперегъ, лоскутокъ холста, шириною пальца въ два, черезъ который молодая должна перешагнуть; полдружка въ это время у дѣвицы или дѣвица у него

лоскутокъ сей вырываетъ изъ рукъ, и кто успѣлъ это сдѣлать, у того молодая лоскутокъ выкупаетъ за 10 или 20 коп, Этотъ лоскутъ холста называется *бирихъ парни*, то есть Бириховъ подарокъ, а Бирихъ у Чувашъ значитъ небольшой языческій божокъ.

5) Наконецъ, по выходѣ изъ лачуги, одинъ изъ молодцовъ, который умѣетъ шутить и говорить прибаутки, называемый *шабась*, вставъ на устроенныя лавки *шиликъ*, гласитъ слѣдующія слова:

Нартъ нартъ Кувагалъ!
Шта каянъ кувагалъ?
Сярыкъ касма каядыпъ.
Сярыкъ-не кама барадынъ?
Чиберь ингинѣ барадыпъ.

Ути, ути, утка!
Куда идешь утка?
Рѣпу рѣзать иду.
Рѣпу кому подаришь?
Хорошенькой невѣсткѣ подарю.

Вотъ изъясненіе сихъ стиховъ:

Утка есть новобрачный.

Полетъ къ рѣпкѣ—прибытіе новобрачнаго къ своей женѣ. Рѣзаніе рѣпы—откровеніе чистѣйшей любви и брачное ложе. Дареніе рѣпою—отданіе своего сердца женѣ.

Означенный ораторъ называется *шабась*, вѣроятно, отъ русскаго «шабашъ», потому что этимъ заканчиваются значительные обряды во время свадьбы.

6) Послѣ такихъ восклицаній, молодыхъ запираютъ въ клѣть, и они остаются тамъ не

болѣе, какъ часа съ два, послѣ чего подымаетъ ихъ сваха или сноха молодова.

7) По сшествіи съ брачнаго ложа, молодой даютъ ведра съ коромысломъ, и золовка, а за неимѣніемъ ея другая дѣвица изъ родственницъ, ведетъ ее къ водѣ, необходимой потребности человѣческаго житія; за ними идутъ съ гайканьемъ дружка, полдружка, дѣвицы и холостяки, осѣдлавши кто кочергу, кто сковородникъ, кто помело, а другіе палку. Когда золовка приведетъ ее къ источнику, кладетъ въ ведро грошъ, который молодая беретъ себѣ, но когда она станетъ наливать воду, золовка трижды выливаетъ у нея изъ ведръ, пиная ногою, а на четвертый разъ, наливъ воды, возвращаются домой съ тѣми же криками и верхомъ на палкахъ. Дома молодая варитъ яшку, которую всѣ ѣдятъ, какъ кушанье, приготовленное новобрачною невѣсткою или новымъ человѣкомъ, ибо по-чувашски молодая называется *сингь синъ*, то есть новый человѣкъ, по случаю поступленія ея въ кругъ потомковъ другаго родоначальника. Послѣ сихъ церемоній родственники пьютъ еще съ сутки и тѣмъ прекращается наконецъ пиръ свадебный, а съ прекращеніемъ пира убираютъ и устроенныя на дворѣ лавки *шиликъ*.

По окончаніи свадебныхъ обрядовъ у новобрачныхъ бываютъ слѣдующіе визиты:

1-е Черезъ недѣлю послѣ свадьбы ѣздятъ новобрачные съ родителями своими къ тестю въ гости съ пивомъ; поѣздка сія называется *сорбанъ сыры*, то есть сорбанный пиръ, а сорбанъ у чувашскихъ женщинъ-головная повязка въ родѣ полотенца съ вышивками по краямъ и кон-

цамъ, которымъ молодая повязываетъ послѣ вѣнца дѣвичью свою голову.

2-е, Недѣли черезъ три или черезъ мѣсяцъ послѣ этого пира ѣздятъ они также къ тестю съ пивомъ, вчетверомъ или впятеромъ съ родителями своими и съ однимъ изъ родственниковъ. Поѣздка сія называется *поза сыры*, то есть посконное или пеньковое пиво, потому что въ это время, лѣтомъ, поспѣваетъ пенька на поляхъ, и чувашскія женщины начинаютъ собирать ее, въ томъ числѣ и новобрачная у своихъ родителей.

3-е Черезъ полгода послѣ свадьбы молодые ѣздятъ къ тестю съ своими родителями и родственниками, всего въ числѣ 12 человѣкъ съ пивомъ, и пируютъ тамъ дня съ три. Пиръ сей называется *тарна*, то есть обращеніе къ родителямъ или отзывки, у Русскихъ бывающія дня черезъ три послѣ свадьбы. У Чувашъ отецъ даритъ въ этотъ пріѣздъ дочь свою лошадью, коровою, овцами, пчелами, если онѣ у него есть, гусями или индѣйками. Этотъ обычай походитъ на азіатскій, когда дочь у степнаго жителя удаляется въ другіе аулы или горы, и какъ будто указываетъ, что Чуваши дѣйствительно вышли изъ-за дальнихъ горъ, во время нашествія на Болгары Монголовъ.

4-е Черезъ полгода послѣ сего отцы съ роднею, тоже человѣкъ до 12, ѣздятъ съ пивомъ въ молодымъ и пьютъ дня съ три, что называется *худа кирьмя*, то есть сватовъ пріѣздъ, потому что тогда пируютъ новые сваты изъ другаго рода, откуда взята новобрачная.

На всѣхъ вышеприведенныхъ пирахъ пляшутъ и новобрачные, а до того пляска для нихъ считается непозволительною, и пузырной музыки

во всѣхъ сихъ случаяхъ не бываетъ, а звучатъ одни извѣстныя гусли *кусля*, перешедшія къ Чувашамъ отъ Русскихъ.

Козмодемьянскаго Земскаго Суда переводчикъ Чувашскаго языка Спиридонъ Михайловъ.

Перепечатано изъ Каз. Губер. Вѣдом. 1852 года №. № 42, 43, 46, 47, 48, и 49 1853 года №. № 1, 2, 3, 4, 5, и 6.

